

*Михаил**Земсков*

СЕРЁЖА, ЭТО ТЫ?

Он отставил тарелку. «Морковь по-корейски», купленная в ближайшей кулинарии, оказалась «просто морковкой», мелко нашинкованной, засыпанной красным перцем и залитой уксусом. И ещё немного заветренной. Он ведь подозревал... но почему-то так сильно хотелось остренького сегодня.

Включил телевизор (ещё старый советский – но зачем выкидывать, если работает?). Попереключал каналы, выключил.

Потёр начинавшую пятнисто сесть щетину. «Надо бы побриться, а то через пару дней уже труднее сбривать будет. Или опять бороду отпустить?» Но с этими пегими пятнами седины борода – даже вымытая и аккуратно расчёсанная – смотрелась клочковатой и неухоженной.

Хорошо было бы убраться в квартире сегодня. Но – устал, не хочется вставать из глубокого, продавленного ещё родителями кресла. На самом деле приборка требовалась уже неделю как. Но в предыдущие дни точно так же не хотелось вставать из глубокого кресла.

Он подтянул к себе старый – тоже оставшийся ещё от родителей – дисковый телефон. Достал из кармана джинс пачку мелких купюр, вытащил наугад одну. Десятка. Положил на столик рядом с аппаратом. Поднял трубку. Аккуратно и не спеша набрал цифры с серийного номера темно-зеленой бумажки. Откашлялся.

Три гудка – и на том конце ответили.

– Алло. Алло? – Неуверенный голос молодого парня.

Он выдохнул в трубку, потом ещё раз. Услышал (или показалось?), как парень на том конце сглотнул:

– Алло? Жанна, это ты? Жанна, почему ты ничего не говоришь? Ты всё ещё обижаешься на меня? Прости, я теперь понимаю, что был не прав... Жанна, скажи хоть что-нибудь. Давай начнём все сначала...

Он выдохнул в трубку ещё раз и расплылся в довольной улыбке. Кончик его носа слегка задрожал.

– Алло? Жанна... Давай встретимся и поговорим... Всё обсудим....

Он положил трубку, тихо рассмеялся и потёр нос. Налил себе чаю, ещё раз ковырнул вилкой вялую морковную струганину и окончательно отодвинул тарелку. Надкусил овсяную печеньку, запил.

Для него всё стало проще в позапрошлом году. Тогда все вокруг жаловались на жизнь, на девальвацию, на повышение цен, на задержку зарплат. Он не жаловался, а сел за баранку. Денег не так много, но больше, чем в проектно-институте, из которого ушёл, и – каждый день, а не раз в несколько месяцев. «Бог даст день, даст и пищу», – так в его детстве часто приговаривала прабабушка. Оказалось – так и есть.

Он снова достал пачку денег. Снова выбрал наугад. Двадцатку положил между десяткой и телефоном. В этот раз долго не отвечали, и он уже хотел вернуть трубку на рычаг, но вдруг что-то щёлкнуло и хриплый женский голос тихо проговорил:

– Алло?

Выдох в трубку.

– Алло? Лёшенька, это ты? Лёшенька, плохо слышно.

На его лбу появилась испарина, но дыхание оставалось ровным.

– Алло? Лёшенька, ты можешь говорить, отца сейчас дома нет... В любом случае, он уже так не сердится на тебя. Он тоже хочет, чтобы ты вернулся. Ты откуда звонишь? Из Москвы? Как ты там питаешься? Ты не болеешь? Лёшенька, скажи хоть слово, пожалуйста! Мы готовы всё простить, лишь бы только вернулся...

Он осторожно нажал пальцами на рычаг, в трубке стихло. Потом резко, с каким-то глухим рыком, выдохнул, рассмеялся и задумчиво посмотрел на стену напротив. Положил трубку. Продолжая улыбаться, потёр ладонью лоб, закрытые глаза. Снова уставился на незатейливые узоры обоев.

Через несколько минут очередная комбинация цифр со случайной купюры связала его с новым абонентом.

– Алло. – Чуть визгливый молодой женский голос.

Он выдохнул.

– Алло?!

Вдохнул-выдохнул.

– Ах ты мерзавец, опять звонишь и дышишь! Когда ты уже оставишь меня в покое?! Подлец, скотина!

Неожиданно для самого себя он скривил какую-то клоунскую физиономию и попытался ещё глубже втереть зад в яму кресла.

– Ну что за подлец, а? – продолжала распляться молодая женщина. – Я, между прочим, скоро замуж выхожу. Завтра же своему жениху про тебя расскажу, он тебя найдёт – так отделает, мало не покажется. Ну говори, скажи хоть что-нибудь. Откуда ты звонишь, из дома? Пойми, придурок, я никогда к тебе не вернусь! Нет, я прямо сейчас своему жениху позвоню, пусть он сейчас к тебе приедет, твою мерзкую харю попортит. – Послышались короткие гудки.

Он залился счастливым смехом. Положив трубку, обхватил колени. Потом вскочил с кресла, прошёлся взад-вперёд по комнате и повалился на диван. Радостная и словно замороженная улыбка не сходила с лица. Он повернулся на спину, взгляд нашёл на потолке сеть мелких трещинок, в которых ему всегда виделась летающая тарелка в эпицентре молний. Мини-фреска естественного происхождения напоминала ему схожий узор на потолке старой квартиры, в которой он провёл детство. Всё с той же улыбкой на лице он закрыл глаза.

Зазвонил телефон. Он вздрогнул, оглянулся на серый аппарат. Резкая напористая трель повторилась. Он почти забыл, как громко и раздражающе умеет звенеть эта пластиковая коробочка. И как долго...

Он сел на диване. Телефон продолжал звонить. Ему казалось, что каждая новая трель запускает в комнату дополнительную порцию страха и тревоги. Необходимо было это остановить.

Он подошёл к аппарату и поднял трубку. Открыл рот, но ничего не сказал. На том конце были слышны приглушённые звуки, потом неуверенный детский голос проговорил:

– Алло? Папа? Папа, здравствуй. Папа, ты меня слышишь? Я научился сам звонить, и мама мне наконец дала твой номер телефона. Я ведь уже научился сам звонить, мне уже скоро семь лет. И еще мама сказала, что нашего попугайчика ты мне подарил, на день рождения, когда мне два года было. А попугайчик вчера умер. Алло? Папа, я тебя не слышу. Ты меня слышишь? Это Серёжа. Папа?

Он испуганно отвёл от уха трубку. Потом снова прижал, хотел что-то сказать, но вдруг бросил её на рычаг.

Не прошло и минуты, как снова раздался звонок. Он встал с кресла, прошёл к двери и закрыл её за собой. В коридоре наклонился к телефонной розетке и вытащил из гнезда шнур.

Вернувшись в комнату, сел в кресло. Допил остатки чая. Достал из кармана пачку мелких денег, разложил купюры на столе. Пятёрки – к пятёркам, десятки – к десяткам, двадцатки – к двадцаткам. Одну пятидесятку и две сотни отодвинул отдельно к краю. Встал с кресла и вышел на кухню. Налил в чайник воду и поставил на плиту. Вышел в коридор, вставил телефонный шнур в розетку и посмотрел на телефон. Тот молчал. Он подошёл к серому аппарату, поднял трубку проверить сигнал. Обычный длинный гудок.

Он сел в кресло. Убрал пятидесятку и две сотни в ящичек стола. Собрал оставшиеся аккуратно разложенные купюры и сунул их в карман джинс.

Зазвонил телефон. Он выждал три сигнала, осторожно поднял трубку и приложил к уху. Открыл рот, но ничего не сказал. На том конце было слышно чьё-то дыхание.

– Серёжа? – спросил он тихо. – Алло, Серёжа, это ты? Это твой папа. Ты меня слышишь? Я не слышу. Алло, скажи что-нибудь. Я подарю тебе нового попугайчика. Алло. Сережа?

Услышал (или показалось?) чей-то сдавленный смех, и потом – короткие гудки.

